

КНИГА О КРУШЕНИИ ОДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*Так стит гордыня прежних дней.
Умчалась слава прочь...*

Т. МУР

Роман М. Митчелл «Унесенные ветром», как и творчество корифеев американской литературы — У. Фолкнера, Т. Вульфа, Р. П. Уоррена, Ф. О'Коннор, К. Маккалерс, К. Э. Портер, нельзя понять вне поворотного исторического события в жизни Соединенных Штатов — Гражданской войны 1861 — 1865 годов. Война расколола страну на два лагеря, после чего географические понятия Север и Юг стали политическими, обозначающими врагов, представителей двух разных режимов, мировоззрений. Гражданская война явилась началом агонии старого рабовладельческого Юга и его аристократов, их гибели как класса. После 1865 года в сознании южан произошла горькая ломка — на глазах рушилось то, что казалось вечным, незыблемым. Освобождение рабов, коренное изменение экономического, политического и культурного укладов жизни, формирование буржуазных общественных отношений не только привели к разорению бывших плантаторов, но и переоценке нравственных ценностей. Росло осознание неизбежности гибели режима, его исторической обреченности. Но как ни парадоксально, эти же факторы способствовали возрождению «южного мифа». Отодвигаемый в прошлое старый уклад приобретал особое очарование, виделся в некой романтической дымке, вызывал острую ностальгию. Поражение в войне, легенды о безумной храбрости солдат Конфедерации, ощущение фатальности конца породили комплекс «проигранного дела», заставили говорить о «проклятье Юга».

В то же время перед лицом опасности с Севера южане осознали себя как особую, отдельную часть нации. Вот тогда-то на Юге и появилась своя большая литература. Она возникла именно как реакция на те новые явления, которые повлекла за собой война. «Южный миф» стал ее основой, ее неотъемлемой частью. Его содержание составляют: бывшее величие Юга, утонченность и благородство джентльменов, блистательность и гордость красавиц, идиллические патриархальные от-

ношения между черными рабами и белыми хозяевами. В «Унесенных ветром» Эллин так наставляет дочь, будущую хозяйку большой плантации: «Никогда не забывай, дорогая, что ты несешь ответственность не только за физическое, но и за нравственное здоровье черных рабов, которых Бог вверил твоему попечению. Ты должна понимать, что они как дети и за ними нужен глаз да глаз, как за детьми, и ты обязана во всем подавать им хороший пример».

И, конечно же, «южный миф» строится на неприятии буржуазных общественных отношений, буржуазного образа жизни. Однако не все писатели этой школы воспринимают его одинаково. Одни принимают «южный миф» полностью, почти без какой-либо критической переработки, другие — с большой оглядкой. Для Фолкнера, Вульфа, О'Коннора, Уоррена, Маккалера, Портера и некоторых других характерно более критическое его восприятие, и особенно идиллических представлений об отношениях черных рабов и их белых хозяев. Эти писатели переосмысливают понимание «проклятья Юга». Под пером Фолкнера, Маккалера, Уоррена рабовладение видится уже как зло, искалечившее судьбы рабов и души рабовладельцев, вызвавшее распад личности, как комплекс исторической вины, под бременем которой принуждены жить белые на Юге и которая и сейчас определяет их судьбы. Именно так следует понимать Фолкнера, настаивавшего на том, что «каждый белый на Юге рождается распятым на черном кресте».

В традициях «южной школы», на основе «южного мифа» создан и роман «Унесенные ветром».

Родилась Маргарет Митчелл в Атланте в 1900 году, ее детство и юность прошли в атмосфере постоянных воспоминаний о Гражданской войне ее ветеранов, друзей дома и знакомых. Бабушка будущей писательницы, жившая в своем поместье недалеко от городка Джонсборо с двумя сестрами, чудом спаслась бегством из Атланты перед захватом города армией янки под предводительством Шермана. Ее поместье послужило прообразом столь дорогой сердцу героини романа Тары. И, конечно же, Маргарет с детства усвоила «южный взгляд» на исторические события, перевернувшие жизнь края, — на Гражданскую войну и так называемый период Реконструкции.

В «Унесенных ветром» нашли отражение многие эпизоды жизни автора, ее личностные черты. С детства неукротимая наездница, в двадцать лет Маргарет, не справившись с норовистой лошадью, получила серьезную травму ноги. Этот жизненный опыт трансформировался в романе в трагические эпизоды гибели отца героини и ее дочери. Первого мужа Маргарет звали

Редом, и по своему характеру он напоминал Ретта Батлера. Жили молодые в доме Митчеллов на Персиковой улице, столь любимой в романе *Скарлетт*. Правда, брак этот продлился недолго. Люди, близко знавшие писательницу, находили в героине романа многие черты ее создательницы.

Маргарет Митчелл не собиралась публиковать свой роман, к написанию которого приступила только потому, что в результате очередной аварии репортерская деятельность, которой она не без успеха занималась, стала для нее невозможна. Но однажды ее знакомая проговорила о рукописи захватывающего романа главному редактору крупного издательства «Макмиллан и К^о», и тот проявил настойчивость и сумел добиться того, что Маргарет Митчелл показала ему написанное.

Роман, появившийся на свет случайно, мгновенно стал бестселлером, был восторженно принят критикой и читателями. В первый же день продажи романа разошлись 50 тысяч экземпляров — невиданная для США 1936 года цифра! В мае 1937 года роман получил Пулитцеровскую премию. А в 1939 году состоялась столь же триумфальная премьера голливудского фильма «Унесенные ветром», в котором главные роли сыграли прекрасные актеры Вивьен Ли и Кларк Гейбл. Фильм завоевал десять Оскаров — высший приз американского кинематографа. Хочется отметить, что и создателей сценария, и постановщиков фильма, и актеров отличало крайне бережное отношение к тексту романа, стремление следовать за автором и воплотить его героев на экране. Замысел этот в целом удался. Символично, что всемирно известный фильм пришел в нашу страну, а также и в Минск, как раз в то время, когда книга готовилась к печати. Ему для этого понадобилось 50 лет... И те, кому посчастливилось его увидеть, помнят, конечно, одну из самых сильных сцен и фильма, и книги: ожидание родственниками солдат-конфедератов списков погибших в битве при Геттисберге. Создателям фильма удалось перенести на экран тягостную атмосферу стоической скорби и мужества жителей Атланты, узнающих о потерях родных и любимых. Война всегда трагедия, во имя какого бы Славного Дела она ни велась...

И книге, и фильму была уготована особая судьба. Ни роман, ни кинолента за полстолетия своего существования не утратили притягательной силы для читателей и зрителей, их популярность не уменьшилась. Можно ли объяснить это только тем, что в центре романа — пленительный женский образ, странно соотносящийся с героинями массовой литературы?

Таковы и Эмба, героиня популярнейшего в англо-

язычном мире бестселлера Кэтлин Уинзор «Эмба — всегда Эмба»; и известная нам Анжелика из пенталогии Анн и Сержа Голон. От героинь массовой литературы, впрочем, Скарлетт отличается тем же, чем отличается ремесленная подделка от произведения Мастера. Образ жизнерадостной, брызжущей весельем юной красавицы Скарлетт, в годы испытаний оказавшейся такой мужественной и жизнестойкой, принадлежит искусству. И не только потому, что он психологически глубоко проработан и реалистичен. Он привлекает сердца гуманной идеей.

По Митчелл, корни жизненной силы, выживаемости героини — в ее любви к родной земле, доставшейся ей по наследству от предков-ирландцев. Недаром Ретт Батлер сравнивает Скарлетт с мифическим Антеем, который обретал силу, прикоснувшись к матери-земле! Она сильна «духом своего народа, не приемлющего поражения, даже когда оно очевидно». Нежелание принимать поражение, напор и одержимость в достижении своих целей роднят Скарлетт с персидскими Фолкнера, у которого каждый или почти каждый герой неуклонно идет к своей цели, побеждая обстоятельства, что стоят на пути его правды. Поразительны их неистовая сила и бешенство в преодолении препятствий. Любой из них убежден, что он по меньшей мере равен силам мира, и с непонятной этим силам дерзостью начинает их сокрушать, очень часто выходя победителем. То же можно сказать и о Скарлетт О'Хара.

В имени героини причудливо соединились и характеристика ее неумятого темперамента (по-английски scarlet — алый, огненный), и намеки на обстоятельства ее жизни (scarlet whore — блудница в пурпуре, а также — римско-католическая церковь). Вспомним, ведь репутация Скарлетт в послевоенной Атланте явно пошатнулась, а по вероисповеданию она была католичкой.

Личная трагедия Скарлетт в том, что при всей ее кажущейся женственности в ней на самом деле было ее так мало, если под женственностью подразумевать умение понять другого человека, тактичность, бережное отношение к чувствам окружающих, милосердие и любовь. Не красавица Скарлетт, а невзрачная Мелани в высшей степени наделена всеми этими качествами, которые Ретт Батлер считает атрибутикой настоящей леди. Скарлетт и в личной жизни идет напролом — и проигрывает. Наделенная цепким практическим умом, она не в состоянии понять нравственные абстракции. Это и приводит ее к жизненному краху. Ее отчаянная беззаветная любовь к Эшли, во имя которой она неоднократно идет на жертвы, совершает чудеса героизма (остается с ненавистной ей женой возлюбленного в осажденной Атланте, хотя ей, 19-летней девчонке, так

хочется уехать домой, в Тару, под защиту матери; помогает Мелани разрешиться от бремени, увозит ее из пылающего города, выхаживает после родов, кормит семейство Эшли в голодные годы, содержит их впоследствии), облагораживает, одухотворяет ее образ, обеспечивает ей соперничество читателей. И все же эта любовь сродни «crying for the moon» ребенка (выражение, неоднократно употребляемое автором, соответствует русскому «достать луну с неба»). Скарлетт любит не реального Эшли, который и по характеру, и по идеалам бесконечно далек и чужд ей, а свою детскую мечту, образ выдуманного ею героя: «...солнце играло в его белокурых волосах, превращая их в серебряный шлем, и его мечтательные серые глаза улыбались ей... Ах, этот голос!.. медлительный, глубокий, певучий, как музыка». Это все, что она знает о нем наверняка. И только в конце романа понимает, что «...любила образ, который сама себе создала... Я смастерила красивый костюм и влюбилась в него. А когда появился Эшли, такой красивый, такой ни на кого не похожий, я надеялась на него этот костюм и заставила носить, не заботясь о том, годится он ему или нет. Я не желала видеть, что он такое на самом деле. Я продолжала любить красивый костюм, а вовсе не его самого». Фанатичная преданность своей первой любви не дала Скарлетт возможности понять единственного человека, близкого ей по духу, оценить его любовь и ответить на нее. Правы исследователи, увидевшие в Скарлетт образ современной Америки, потерявшей голову в погоне за деньгами и материальными благами. Но сходство здесь, пожалуй, более тонкое: зараженная типично американским духом практицизма, Скарлетт утрачивает нравственные ориентиры, а духовные ценности никогда не имели для нее смысла. И эта бездуховность героини, ее приверженность к материальным благам вместе с жизнестойкостью, отвагой, свободлюбием и неистребимым оптимизмом («Ведь завтра уже будет другой день») и позволяют увидеть в ней символ ее молодой энергичной родины, жесткой, но неизменно привлекающей сердца.

Впрочем, в своем нравственном оскудении виновата не только сама Скарлетт. Она ведь и жертва тоже. М. Митчелл сумела отобразить трагический поворот в судьбе ее родного края, создать роман подлинно исторический. Как и все писатели «южной школы», Митчелл в своей книге тоже опирается на «южный миф», но осмысливает его исторически. Созданная ею история Юга взрывает миф, разрушая многие его стереотипы. Бывшее величие Юга? Разве что нравственное. Неумолимый реалист Ретт Батлер, еще до войны превратившийся в «паршивую овцу» высоконравственного

южного общества, предупреждает своих сограждан: «Задумывались ли вы над тем, что у нас нет ни одного военного корабля и что флот янки может заблокировать наши гавани за одну неделю, после чего мы не сможем продать за океан ни единого тюка хлопка?.. На Севере... я видел тысячи иммигрантов, готовых за кусок хлеба и несколько долларов сражаться на стороне янки, я видел заводы, фабрики, верфи, рудники и угольные копи — все то, чего у нас нет. А у нас есть только хлопок, рабы и спесь. Это не мы их, а они нас разобьют в один месяц».

Утонченность и благородство южных джентльменов? Этот тезис «мифа» акцентирован скорее в фильме, чем в книге. В первой же текстовой заставке говорится о том, что фильм — о земле утонченных и благородных рыцарей, земле, которой больше нет. Героям книги присущи внешний блеск манер, безграничная спесь, снобизм и безудержное желание разделаться со всяким, кто может стать на пути высокородного аристократа: от соперника по предмету нежных чувств до армии янки. Лучший представитель южного рыцарства, Эшли Уилкс, — фигура трагическая. Это человек достаточно высокого интеллектуального уровня, чтобы понять, что его историческое время прошло, и потому он страшится реальной жизни и избегает ее. Скарлетт не так уж неправа, называя его в запальчивости трусом. Эшли прекрасно знает истинную цену миру южных плантаций и войне и создает свой искусственный мир, в котором были «...и прелесть, и совершенство, и идеал, и симметрия, как в греческом искусстве». Естественно, этот представитель старого Юга никогда не сможет приспособиться к изменившемуся миру, в котором правят бал вульгарные нувориши и где главное — умение делать деньги, неважно, какой ценой. Это о нем и подобных ему говорит название романа — «Унесенные ветром», ветром истории, строка из поэмы Эрнеста Доусона, подсказанная Горацием.

На развалинах старого мира, мира плантаций, рабства и утонченных аристократов возникает новый мир, мир буржуазных отношений и ценностей. Те, кто не могут к нему приспособиться, идут на дно, их удел — жизнь в прошлом, отсутствие перспектив. Жизнеспособные, не обремененные путами нравственных догм приспособляются к новым условиям. Этот исторический процесс отражен в книге посредством образов Скарлетт и Ретта Батлера. «Гордая южная красавица» — Скарлетт легко выскальзывает из кокона мифологической структуры и превращается в реальную женщину, готовую бороться за свое выживание и за Тару. Голодная, измученная, только силой своего характера добравшаяся из

Атланты до Тары, Скарлетт дает обет: «Бог мне свидетель, Бог свидетель, я не дам янки меня сломить. Я пройду через все, а когда это кончится, я никогда, никогда больше не буду голодать. Ни я, ни мои близкие. Бог мне свидетель, я скорее украду или убью, но не буду голодать». Новая жизнь Юга требует от нее дословного выполнения обета. Хоть она и работает в Таре наравне с неграми, этого оказывается недостаточно для уплаты налога. И тогда Скарлетт едет в Атланту к Ретту Батлеру. Все что угодно, лишь бы достать денег! Процесс обуржуазивания Юга, воплощенный в образе и судьбе героини, сделал ее имя нарицательным. Гэс Холл применительно к развитию буржуазных отношений на Юге употребил термин «скарлеттизм». Гораздо раньше Скарлетт порывает с нравственными догмами Юга Ретт Батлер. Во время войны прославленный контрабандист, он цинично признается Скарлетт, что им движут далеко не патристические мотивы, что он наживает свой капитал на крушении империи. Удачливый и расчетливый предприниматель и политик, Ретт прекрасно вписывается в жизнь послевоенного Юга и процветает. Впрочем, у их истории не может быть счастливого конца. И не только потому, что Ретт устал ждать Скарлетт, что она полюбила (скорее, поняла, что любит его) слишком поздно. Как и другие писатели «южной школы», Маргарет Митчелл не приемлет буржуазных форм жизни для Юга, но ее критика нового общественного уклада лежит не в социальной, а в нравственной сфере.

Приспособившись к новой жизни Ретт и Скарлетт становятся изгоями южного общества, и обоим это начинает угнетать. Ретта — раньше, Скарлетт — позже. Они задыхаются в нравственном и духовном вакууме, ибо вместе с обветшалыми нормами и идеалами южное общество предстает в романе единственным хранителем нравственных ценностей, в то время как общество пришедших северян-янки становится воплощением бездуховности и безнравственности. Скарлетт слишком поздно понимает Ретта, предупреждавшего, что и гордость, и честь, и правдивость, и целомудрие, и милосердие, которые она выбросила за борт, невозможно втянуть обратно в лодку, не испортив в воде. Потеряв дочь, она остается одна. Утешение ей способны дать только южане-ветераны, с которыми она пережила тяготы и ужасы войны, а не чужие ей янки. И Ретт уходит от нее для того, чтобы снова обрести то, что он «...так легко отбрасывал в юности: свой клан, свою семью, свою честь и безопасность, корни, уходящие глубоко... эту унылую респектабельность — респектабельность, какой обладают другие люди, а не я — спокойное достоинство, каким отмечена

жизнь людей благородных, исконное изящество былых времен».

Митчелл не отошла от «южного мифа» лишь в изображении взаимоотношений черных рабов и белых плантаторов на Юге, в оценке исторической роли освобождения рабов, не только разорившего плантаторов, но и, по ее мнению, сделавшего несчастными, развратившего былых невольников, столь счастливых до войны. Образы негров-рабов, ленивых, глупых, хвастливых, зараженных сословными предрассудками более своих хозяев, взяты Маргарет Митчелл из мифа, из традиции их изображения в «южном романе», а не из жизни. И только Мамушка и дядюшка Питер выделяются на этом фоне. Но эти герои, честные, мужественные, самостоятельные, с большим чувством собственного достоинства, черпают свою силу не в общении с миссис Эллин или бесхарактерной мисс Питтикет, а в нравственных и духовных традициях своего народа. Образ Мамушки удивительно напоминает образ негритянки Дилси из фолкнеровского романа «Шум и ярость», той самой, усилиями которой еще как-то держится дом Компсонов. В ее уста автор вкладывает значительную фразу из Библии: «Я видела первии и вижу последнии», фразу, которая подводит черту под историей старого плантаторского рода. Мамушка и Питер, как и Скарлетт, тоже выживут, только Скарлетт ценой потери нравственных ценностей, а негры — сохранив их.

Демократическая американская литература создала принципиально отличную традицию изображения освобожденных негров, да и всего периода Реконструкции в целом. Эта традиция хорошо известна читателям старшего поколения по роману Говарда Фаста «Дорога свободы», написанному через несколько лет после «Унесенным ветром» (1944 год) и ставшему хрестоматийным в нашей стране. Пришло, очевидно, время снять табу с имени Говарда Фаста, значительного американского писателя, автора прекрасных исторических романов. И тогда читатели смогут сопоставить два противоположных взгляда на исторический процесс и увидеть истину.

Впрочем, тенденциозность истой южанки, которая только в десять лет узнала, что Юг ту войну проиграл, и поверила этому с трудом, в глазах современного читателя не умаляет достоинств ее романа, произведения яркого, талантливое.

Белорусские читатели, несомненно, воспримут «Унесенные ветром» как подарок и пройдут со Скарлетт ее сложный драматичный путь наверх и к одиночеству, в котором, однако, все же надеются на завтрашний день. «Ведь завтра будет уже другой день».

Т. Е. КОМАРОВСКАЯ